

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

сдѣланныхъ въ С.-Петербургѣ съ
перес. въ Россіи, два раза въ недѣлю:

— УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ —

на годъ : 10 руб. — коп.

> 6 мѣс. : 5 > — >

> 3 > : 2 > 50 >

> 1 > : — > 85 >

ОБЪЯВЛЕНІЯ

РУССКІЯ

За мѣсто, занимаемое строкою
номера: 10 коп.

впередъ текста 60 к., послѣ текста 20 к.
за цифрой и печатный наборъ 30 к.

ЗАГРУБНИЧНЫЯ: за строку номера
впередъ текста . . . 1,80 герл. карт.
послѣ текста . . . 0,60 . . .

Пережиты адреса 15 коп.

ТЕЛЕФОНЫ

Редакціи—№ 5498.

Редактора-Издателя—№ 1848.
Главной Конторы и Типографіи—№ 662

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ ДЕНЬ, УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:

СПБ., Мещинская улица, соб. домъ, № 25.

Отдѣльные Конторы для продажи подписки: 1) Невскій пр., в. № 68
2) Аннинскій мостъ, при концѣ, магазинъ М. В. Голуба; 3) Балканскій Отр., в. № 1.
4) № 5, при концѣ, магаз. М. Д. Телешко; 5) Выборгская стор., Никитинская ул.,
в. № 15, при концѣ, магаз. „Практическая Медицина“; 6) Петерб. стор., Большой пр.,
в. № 4, при „Петербургскомъ Учебномъ Магазины“.

Служба, рисунки и фотографии, доставляемые для печатанія, должны
быть подписаны редакціей, иначе не принимаются. Редакция не
принимаетъ на себя ответственности за возвращеніе рукописей, не
быть. Обратное извѣщеніе редакціи для редакціи не принимается.

ОТДѢЛЬНЫЕ НУМЕРА 3 коп.

№ 8904. Суббота, 2-го (15-го) іюля 1905 г.

УТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ.

XXV г. изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Мечта Чехова.

Годовщина Чехова!...

Онъ умеръ, и гдѣ же она, чеховская Русь?

Охваченная бѣшенными конвульсіями, содрогаясь всѣмъ своимъ колоссальнымъ тѣломъ, Россія неудержимо мчится впередъ къ невѣдомому будущему и впереди ея, разсѣвая тучи, будя тревогу, во мракѣ рѣютъ буревѣстники.

Чеховъ! Его имя заставляетъ остановиться, требуетъ, чтобы мы оглянулись на пройденный путь. Въ этотъ годъ, страшный, ослѣпительно жуткій годъ раскачки русской жизни, мы выросли на десятки лѣтъ.

Литературный періодъ русской исторіи кончился, и началось неувѣренно, вразбродъ, но началось великое дѣйствіе русскаго народа. И дѣйствіе народа должно быть достойно его вѣщаго слова.

Вспоминали-ли мы за этотъ годъ Чехова?

Нѣтъ!

Мы вспоминали всѣ этапные пункты на крестномъ пути нашего освобожденія. Но Чехова мы не могли вспоминать. До наглядной очевидности онъ весь, весь обращенъ лицомъ къ прошлому. Онъ замкнулъ собой эпоху. И, какъ красивое закатное солнце, скрылся за горизонтомъ...

Чеховскіе герои—и всеобщее, равное, тайное, прямое...

Живы лишь его чистыя, благоуханныя, русскія дѣвушки; живъ его смѣшной, старѣющій студентъ, неизмѣнно звавшій „впередъ“...

Холодѣющими губами Чеховъ хоронилъ насъ, хоронилъ нечистоплотность, мерзость нашего строя, нашу лишенную творчества жизнь, нашу рабскую примиримость съ пошлостью.

И смерть его—его послѣдняя жертва безвременью.

Онъ тосковалъ объ исчезнувшихъ лѣсахъ нашей родины, онъ мечталъ грустно, тихо, по-чеховски мечталъ о благоустроенной, красивой жизни, о жизни, полной труда и вдохновенія, о комфортабельной чистотѣ, о достойной оболочкѣ для великой русской души. Онъ мечталъ, что жизнь эта наступитъ. Наступитъ не скоро, лѣтъ черезъ триста...

и Подошли-ли мы къ чеховской мечтѣ?

Ближе-ли мы къ ней, чѣмъ были прежде?

За этотъ годъ со стономъ падали послѣднія деревья вишневаго сада. Звонящій, беспощадный звукъ топора слышится и сейчасъ въ воздухѣ. За этотъ годъ начали продавать съ аукціона большую часть усадьбы. И не разъ съ пугающимъ, таинственнымъ шумомъ, срывалась багряница...

За этотъ годъ были сорваны всѣ покровы съ нашихъ ранъ и недуговъ, былъ оголенъ нашъ позоръ и выставлено на свѣтъ наше жалкое безсиліе. Какъ дымъ, разлетѣлись всѣ придуманныя утѣшенія и красивая ложь, оправдывавшая нашу жизнь. „Мы сыры, мы наги, мы бѣдны“—твердили мы, и эти слова какъ-то странно утѣшали насъ. За ними скрывалась вѣра въ необходимость для міра нашего страданья, вѣра въ предопредѣленное искупленіе, навѣянная Достоевскимъ мистическая вѣра во всеобъемлющую идею, во вселенскую правду, которую мы несемъ міру.

Горделиво вѣрили мы прежде въ конечное торжество не умныхъ, не сильныхъ, не здоровыхъ, а душевныхъ, слабыхъ, больныхъ...

Пришли умные, сильные, здоровые,

пришли и беспощадно надругались надъ нами.

Исторія требуетъ теперь отвѣта за всѣ грѣхи прошлаго. Жизнь требуетъ дѣла, —не словъ, а дѣла.

Мы поняли, что смерть стучится въ душу народа. Дуновеніемъ ужаса пронеслось предостереженіе исторіи.

Надо забыть старыя слова. Надо начать жить. Босаяцкую философію поэмы приходится выбросить за окно. Надо приняться за прозу жизни.

Единодушный крикъ: „немедленный созывъ народныхъ представителей“ — есть крикъ жизни, не желающей умирать!

Народное представительство начнетъ выковырывать новыя формы нашего быта и нашего строя. Найдеть оболочку для нашей души. Будетъ выдѣлывать сосудъ для разливающегося по міру вина народнаго духа.

Шагъ за шагомъ мы начинаемъ создавать благоустройство. Шагъ за шагомъ мы идемъ къ благородной мечтѣ Чехова...